

Василий ШУПЕЙКИН

МЫ ГОРДИМСЯ – НАШ ГАГАРИН

Фрагмент из романа «Наша жизнь – оксюморон»

...Хороша алматинская весна в апреле: побалует нас еще не жгучим солнышком; взбудоражит горожан короткими ливнями с ласковыми порывами ветра; в завершение даст волю жаре – обнажится синее небо, испарятся облака. Апрель – чудесная пора. Макушка весны – это здорово! Это – мощное пробуждение природы: молодая травка, клейкие листочки, скворцы и ласточки вернулись. А земля?! Какой аромат она начинает источать – не надышаться и не забыть его вовек! В середине месяца даже по утрам не холодно. А днем так припечет, что пацаны разуваятся и ходят по улице босиком. Некоторые, не дожидаясь настоящего тепла, вовсе в одних трусах и майках пашаают. Но только днем.

Сегодня 12 апреля, будний день. Тепло, как по-летнему. Почти все взрослые ушли на работу, школьники на учебу. По улице, если можно так назвать пространство между четырьмя домами, на велосипеде, единственном в нашем крохотном поселке на окраине Алматы, катался Марат. А я, его ближайший сосед и закадычный друг по имени Славка, правильно – Владислав, стоял в тенечке, ожидал своей очереди. Велосипед был большой, взрослый, изрядно изъезженный. Его мощный с ободранной краской стальной корпус скрипел, но имел легкий ход. Дядя Марата привез его в качестве трофея после Победы из самого Берлина. Об этом в поселке знали все.

Впрочем, не трофейным прошлым привлекал внимание велик, а тем, что представлял собой сверхдефицитный предмет. Все-таки средство передвижения. К тому же дорогостоящее.

– Мара, ну хорош рулить... – периодически клянчил я. – Дай и мне поехать, а то жара наступает...

– А тыними майку, будь в одних трусах... – Дружок оттягивал момент сдачи велика в мои руки и ноги.

Я с завистью смотрел, как на подсохшей глине остаются следы протектора. Местами на выбоинах заднее колесо пробуксовывало. У меня дух захватывало от этого зрелища. К тому же Мара мастерски изображал звук мотоциклетного двигателя.

– Давай – последний круг! – рассердился я на неумелого велосипедиста.

– Да на, на! Че разнылся как маленький!

Марат с силой наступил на педаль в обратный ход, велик заюзил и брякнулся вместе с ездоком. Но это ничуть не умалило мастерства моего друга. На взрослом велике мы могли кататься только под рамой – с сиденья наши короткие семи лет от роду ноги не доставали до педалей, поэтому вполне естественно при остановке заваливались на бок и не всегда могли удержать вертикально тяжелую двухколесную машину. Да и черт с ними, с этими падениями! Главное накататься вволю.

А колени и локти?.. Эти части тела у поселковых пацанят не заживали все лето.

Быстренько подхватив велосипед, я изогнулся и подлез правой ногой под верхнюю раму. Предварительно подкатал широченные сатиновые трусы, а то попадут в цепной механизм – штанина моталась как раз над большой звездочкой – и тогда... Что будет тогда, даже представлять не хотелось... мама станет ругать: трусов на тебя не напасешься, а они стоят денег, а деньги зарабатывает один папа, а вас четверо... Ну и все такое. Но более устрашало, что на звездочку с цепью вместе с мотней трусов попадет мое самое понимающее что.

– Давай, Мара, подтолкни!

Друга просить два раза не надо. Секунда, и вот уже я, разбрызгивая слюны и хрипя горлом, выдуваю через неплотно сложенные губы звук работы двигателя автомобиля МАЗ, на котором работает мой папа. Когда вырасту, тоже буду ездить на такой машине...

Я манерно развернулся на околице и начал набирать скорость, чтобы с ветерком проскочить мимо уставшего Маратика – пусть увидит, как надо на велике ездить.

Педали то подбрасывали меня вверх, то заставляли нырять в опасное место над цепью. Еще, еще, еще... О-о-о-о-о! Вот это скорость! Я ликовал! По сырой глине велосипед катился как по маслу. И вдруг через дорогу побежал Санька. Пришлось тормозить, иначе я бы сбил этого что-то кричащего на бегу пацаненка. Велик, задрожав рулем, опрокинулся, а я полетел кувырком. Немецкая надежность не раз и не два спасала агрегат от поломок, случилось так и на этот раз: на велосипеде ни вмятинки, ни царапины, а у меня жутко заныла нога, неловко сложившаяся при падении.

– Ты че-е-е?! Ты опупел, Санек?!

– Вы тут катаетесь и ни черта не видите! – Санька задрал кудлатую башку вверх, где в небе довольно низко летал кругами самолет.

– Смотрите, смотрите, он сейчас упадет! – кричал он.

Мы задрали головы вверх, и в этот миг из самолета кто-то выкинул бумажки. Они летели, сверкали солнечными бликами и кружились, кружились.

Самолет громко фыркнул пропеллером, отчего спускающиеся на землю листы понесло в сторону от поселка.

– Кажись, чета сбросили... Айда туда, ребя! – взвизгнул Санька и бросился бежать через шоссе, в поле, к терновнику. Марат устремился за ним.

– Эй, вы куда?! А велик?.. А я?.. Марат! Мара-а-а-ат!.. – закричал я им вдогонку.

Друг остановился, обернулся и выпалил:

– Брось ты его, нету ведь никого... Побежали...

Да я бы и сам рванул, если бы не нога. На ней не то что бежать, идти больно: сделал три шага и сдался.

Сел на обочину и заплакал...

Марат и Санька вернулись через час. Все это время я сидел, плакал и охранял чужой велик, эту дурацкую железяку, из-за которой не смог побегать вместе с ними на поиски чего-то неизвестного и оттого еще более притягательного.

– На вот, для тебя набрал, – Марат протянул мне штук десять бумажек с буквами. – Что здесь написано?

Я, в отличие от товарищей-одногодков, умел читать. Поэтому важность находки обрела в моих руках большую ценность...

Чтобы придать себе значимость, я читал долго, про себя, то есть мысленно. Знал: после этого вслух буду читать бойчее, что и следовало продемонстрировать неумехам.

– Че молчишь? – торопил Санька, которому не терпелось узнать, что за находка оказалась в его руках и какова ее материальная ценность.

– Ага, – многозначительно начал я, – вот, вот тут... значит, так... «Сообщение советского правительства. Двенадцатого апреля одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник “Восток” с человеком на борту. Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника “Восток” является гражданин Союза Советских Социалистических Республик, летчик, майор Гагарин Юрий Алексеевич», – выдал я на одном дыхании, но мало чего понял из произнесенного...

– На какую орбиту? – задумался Санька.

– Наверное, в космосе, – попробовал ответить я, не очень-то представляя себе эту самую «орбиту» да и «космос» тоже.

– Как это – в космосе? – начал рассуждать Марат. – Это где?

– Это выше неба, – поумничал Сашка. – Видишь облака? За ними небо, синее. А выше – космос. Поэтому мы не видели ракету, на которой этот, как его... Ну-ка, Владка, еще раз прочитай... А-а-а-а, Юрий Гагарин летал.

– Как это он скрылся с глаз? Смотри, выше облаков все видно, – вступил в дискуссию Мара. – А почему ты говоришь, что он на ракете поехал? Влад прочитал – на космическом корабле...

Потрясенный тем, что не удалось собирать листовки вместе с пацанами, и утомленный перенапряжением демонстрации отличного умения читать, я молчал.

И в этот миг на столбе, сначала, как и положено, громко захрипел-запрыгал репродуктор-колокол и следом на всю мощность заговорил диктор. Он слово в слово мощным басом сказал то, что я прочел пацанам. Потом стала играть музыка. Целый день до вечера диктор и музыка сменяли друг дружку...

Вечером на улицу высыпали все, кто находился в поселке.

Мужики мигом соорудили стол, женщины вынесли табуретки и различную снедь, получился вполне приличный дастархан: отварная картошечка, соленая капуста, помидоры, огурцы, сало, кто-то даже не пожалел колбасу. Ею решили угостить ребятню. Мне опять не удалось быть в рядах угощаемых, так как скакать на больной ноге мама не разрешила.

Пили бражку и самогон. Пели песни и танцевали под патефон.

– ...Фокстрот поставьте! – крикнул кто-то владельцу патефона дяде Максату, отцу моего дружка. Тот не танцевал, караулил: вдруг кто-то начнет крутить заводную ручку и пружину сорвет? Поэтому ни на секунду не отходил от своей механической музыкальной шкатулки, способной без электричества выдавать довольно громкую музыку с грампластинок.

Наступили тягостные секунды, в которые патефонный диск-жокей искал нужную грамзапись и накручивал в патефон новую силу для вращения пластинки. Взрослые стояли на полянке. Переминаясь с ноги на ногу, готовились к очередному старту.

Когда все пластинки с вальсами и фокстротами были отыграны, дядя Максат объявил:

– Консертти аякталды! Музыка жок. Аппарат должен отдыхать.

Все потянулись к столу.

Тетя Зина не то чтобы зло, но с раздражением тихонько заметила:

– Богатей, бережет свой патефон! И откуда только у казахов деньги? И семеро детей, и патефон, и велосипед у них...

Ее муж, шутник дядя Леша, тут же дал ответ:

– Зинуля, у нас с тобой на семерых тоже деньжат хватит. Хочешь покажу?

– Тьфу на тебя, охальник. Лучше премию заработай да патефон купи.

– Патефоны у нас в дефиците. А детки пожалуйста! Кому кучерявеньких? Без очереди!

Те, кто оказались с ним рядом, засмеялись.

– А я и без тваво патефона могу! – объявила тетя Зина, и затараторив частушку, пустилась в пляс. Тут же ей навстречу выскочила из-за стола тетя Аня Белобородова. Она была уже «веселее» других и потому позволила себе в ответ на Зининых «залеток», что ходят не у тех ворот, да «милашек-Наташек», их «подружек ромашек» нечто выходящее за рамки приличия. Но начала с безобидного укола жен шоферов:

– У моего – у милого
организм из трех частей:
карбюратор, вентилятор
и коробка скоростей.

Зина ответила:

– Полюбила я шофера,
А потом политрука,
а затем все выше, выше –
и дошла до пастуха...

Их остановили, когда от перепляса пыль поднялась столбом. К тому же частушки становились все острее и острее. Люди смеялись, подпевали, но в какой-то момент приструнили солисток.

– Ну-ка, девки, кончайте самодеятельность – детвора здесь!

Мы прислушивались к частушкам, но мало чего понимали. По большей части играли в прятки и догонялки.

– А вот вам напоследок! – взвизгнув, как говорили потом, «отколола номер» Анна:

– Высоко над облаками
Летит Юрочка Гагарин,
А жена кричит вдогонку:
«Чур, не пей там самогонку!».

– А-а-а-а, раз так, – вновь из-за стола выскочила Зина, – получай ответку:

– Мы гордимся, что Гагарин
Не француз и не болгарин,
Не китаец он не грек,
А наш советский человек.

Кто-то покатылся от хохота, кто-то стал хлопать в ладоши. И все дружно сдвинули чашки, кружки, граненые стаканы и стопки.

Радостное возбуждение переполняло каждого – шутка ль, в самом деле! Вот оно, свершилось, не сегодня-завтра на Луне окажемся. А там и коммунизм рядом! Ночная свидетельница торжества малой толики советского народа, дружно радующегося великому событию, смотрела с темного неба и, как мне казалось, тоже улыбалась. По крайней мере, последнее, что я помню, это растянувшуюся по ночному небу Луну и пьяный добрый голос папы, который нес меня, полусонного, на руках:

– Эх, сынок, вот кем надо стать в этой жизни – космонавтом. Учись!

Мама шла рядом и недовольно бурчала:

– Космос... Ракеты... Радуйтесь, люди... Это какие ж деньжищи запалили, уму непостижимо! На один керосин, наверное, тыщи израсходовали... Нет бы шоферам ставки на тонны-километры поднять... Как детей в школу одеть, ума не приложу...

– Да все будет нормально, мать, – успокаивал ее папа. – Через неделю прогрессивку дадут за первый квартал. Ребята подсчитывали, там по два оклада с перевыполнением плана получается, так что рублей на двести пятьдесят можешь рассчитывать.

– Это без зарплаты за этот месяц?! – оживилась мама. – Чего же ты молчал?

– Так не дали же еще, только пообещали...

...В сентябре всех первоклассников опрашивали: кто твои родители и кем хочешь стать сам? Все мальчишки рассказали про пап и мам по-разному, а про себя однозначно: «космонавтом!» И только маленького роста цыганенок-детдомовец Киря уверял, что Гагарин – его отец и скоро заберет его к себе в Москву...